

М.В. Подрезов

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ, ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ В СИСТЕМЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского», № 18-012-90020\19.

Рассмотрены идейные воззрения известного российского писателя и философа Ф.М. Достоевского на прошлое, настоящее и будущее отношений между тремя государствами – Российской, Австрийской и Германской империями. Анализ исследовательской литературы, художественных произведений, публицистики, записных книжек и тетрадей показывает эволюцию представлений Достоевского о международных отношениях в Европе, исходя из его авторской концепции «трех идей» – католической, протестантской и славянской (православной).

Ключевые слова: Достоевский; Россия; Германия; Австрия; геополитика.

Взаимоотношения между тремя великими европейскими державами – Российской, Германской (Пруссией) и Австрийской (Австро-Венгрией) империями – представляются одним из центральных процессов, определивших историческое развитие Европы и мира, последствия которого нельзя переоценить и сегодня. Начиная с трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.), когда три «черных орла» поглотили «белого», череды наполеоновских войн, установивших систему европейского концерта держав, определенная стабильность в отношениях между государствами сохранялась вплоть до кризиса рубежа XIX и XX вв., вылившегося в конечном счете в Первую мировую войну, где Петербург и Берлин с Венной оказались по разные стороны баррикад. Копившиеся на протяжении всего «Долгого XIX века» (термин, введенный в оборот видным британским историком Эриком Хобсбаумом в трилогии «Век революции», «Век капитала», «Век империи») противоречия между державами вряд ли могли быть решены иным путем. Это отчетливо понимал и выдающийся российский писатель, публицист и философ Ф.М. Достоевский, предостерегавший Россию от спасения европейского *l'Ordre* методами, присущими тем же европейцам (но чуждыми нам): «И не пойдем ли мы, напротив, усмирять врага Европы и ее порядка тем же самым железом и кровью, как князь Бисмарк? О, тогда, в случае такого подвига, мы уже смело могли бы поздравить себя вполне европейцами», – не без иронии отмечал писатель еще в 1876 г. [1. Т. 1. С. 307–308].

Для Достоевского, родившегося и почившего в эпоху достаточно стабильных и тесных взаимоотношений между Россией, Австрией и Германией, вопрос прошлого, настоящего и будущего этих связей представляется весьма важным, место которому нашлось как в художественных, так и публицистических произведениях. Исходя из этого, нами была поставлена цель: реконструировать образ и характер взаимоотношений между тремя империями в исторической ретроспективе в идейных воззрениях Ф.М. Достоевского.

Достижение поставленной цели обусловлено всесторонним анализом публицистики, записных книжек

и тетрадей, принадлежавших авторству Ф.М. Достоевского, отчасти – художественных произведений, а также привлечением существующей исследовательской литературы по смежным тематикам. Данный анализ, находящийся на стыке истории международных отношений, политических наук и литературоведения, основывается на теоретическом представлении российских политологов А.И. и Н.Г. Щербининых, опирающихся на концепцию конструирования реальности известных социологов Питера Бергера и Томаса Лукмана, заключающемся в следующем толковании символического конструирования геополитической карты, базирующемся на герменевтическом исследовании: «Возникает новая виртуальная реальность, политический воображаемый мир. <...> Этот мир образует устойчивое смысловое единство и факты-конструкты его очередного коммуникативного бытия активизированы властью» [2. С. 40]. Развивая данную идею, Щербинины приходят к следующему заключению, характеризующему суть подхода: «“Картирование” в нашем случае – это своеобразная визуальная форма, имеющая видимость картинки или словесное описание в виде карты, содержащая в себе особую ментальную схему. Ментальная карта в данном случае репрезентирует креативный ментальный образ, который не относится к моделированию объективного мира. <...> Подобные миры можно объективировать только в символических продуктах, такими символическими продуктами и выступают картографические описания» [3. С. 60–61].

Ф.М. Достоевский посвятил немало времени, рассуждая о взаимоотношениях между Россией, Германией и Австрией. Его представления, безусловно, в большей мере выражены в фундаментальной работе 1877 г. «Три идеи»: «Три идеи встают перед миром и, кажется, формулируются уже окончательно. С одной стороны, с краю Европы – идея католическая, осужденная, ждущая в великих муках и недоумениях: быть ей или не быть, жить ей еще или пришел ей конец. <...> С другой стороны, восстает старый протестантизм, протестующий против Рима и идеи его, древней языческой и обновленной католической. <...> А между тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья

мировая идея – идея славянская, идея нарождающаяся» [1. Т. 2. С. 8–11]. Щербинины в общем виде формулируют заложенные идеи в следующем виде: «Символически (и метафорически) “картирование” славянского мира задано у Достоевского наличием в Европе трех мировых идей, последовательно приходящих на смену одна другой. Они отрицают друг друга, но на момент написания “Дневника” сосуществуют в духовном, экономическом и идейно-политическом конфликтах вокруг выбора истинного пути человечеством» [4. С. 295–296]. Безусловно, Достоевский ассоциирует данные идеи с Францией, Германией и Россией соответственно. Однако, с нашей точки зрения, роль «католического элемента» в данной системе в равной степени разделяет и Австрийская империя, во многом более консервативная католическая страна, наполненная разного рода «клерикалами», хотя и не такая гомогенная, нежели Франция, но которая значительно подорвала свой авторитет в этой области во время Великой французской революции и эпохи Наполеона I Бонапарта в силу его «особых» отношений с папой римским.

Настоящее исследование в большей мере основывается на анализе публицистики, записных книжек и тетрадей Ф.М. Достоевского. Однако заметим, что в некоторой степени он касался ряда интересующих нас вопросов и в художественной литературе. Для иллюстрации этого суждения приведем данные американского исследователя Р. Чаппла. Так, Германия упоминается писателем 75 раз, из них в «Братьях Карамазовых» – 18, «Униженных и оскорбленных» – 12, «Бесах» – 9, «Подростке» – 8, «Кроткой» и «Идиоте» – по 5, «Преступления и наказании» – 4, «Белых ночах» и «Дядюшкином сне» – по 3, «Маленьком герое» и «Вечном муже» – по 2, «Бедных людях», «Чужой жене и муже под кроватью», «Записках из подполья» и «Игроке» – по 1 [5. С. 254].

Внимание Достоевского в художественной литературе сосредоточивается в основном на самой Германии, реже – на взаимоотношениях между Германией и Россией. На это указывает и доцент Алтайского университета Е.Ю. Сафронова: «В сибирских произведениях Достоевского образы Германии и немецкой культуры представлены неоднозначно и амбивалентно. С одной стороны, Германия – сердце Европы, сокровищница высших достижений науки, образования, философии, искусства, популярное место стажировок, повышения квалификации. <...> Связи Германии с Россией были тесными и продолжительными» [6. С. 117]. Наиболее существенным представляется суждение в более позднем романе «Подросток», вышедшем в свет в 1875 г., где герой А. Долгорукий выразил идеи самого Достоевского: «Есть и обратный закон для идей: идеи пошлые, скорые – понимаются необыкновенно быстро, и непременно толпой, непременно всей улицей, мало того, считаются величайшими и гениальнейшими, но – лишь в день своего появления. Дешевое не прочно! Быстрое понимание – лишь признак пошлости понимаемого. Идея Бисмарка стала вмиг гениальной, а сам Бисмарк – гением, но именно подозрительна эта быстрота: я жду Бисмарка через десять лет, и увидим тогда, что останется от его

идеи, а может быть, и от самого господина канцлера» [7. С. 226]. Заметим, что для Достоевского Бисмарк – не просто видный политик, но и нечто большее, некое человеческое выражение протестантских идей, характеризующееся протестом против всего старого (например, миропорядка в Европе), прагматизмом и решительностью (легендарное «железом и кровью»). Бисмарк для Достоевского равно Германская империя.

Ряд современных исследователей уже касались данной проблемы. Так, В.Х. Гильманов, И.Д. Копцев и Л.А. Мальцев проанализировали диалог между Востоком и Западом в творчестве Достоевского и Т. Манна по эссенциальной проблематике, базируясь на принципе диалога художественного и философского, гуманитарного и естественно-научного, религиозного и арелигиозного, научно-академического и публицистического типов дискурса [8. С. 817]. Алтайский филолог П.В. Алексеев и исследователь Гентского университета Э. Биллет пришли к выводу, что Германия получила положительное выражение в воображаемой географии Достоевского, несмотря на то, что в 1870-х гг. ее образ стал сложным, наполненным отрицательными значениями, но первоначальная положительная основа оставалась прежней [9. С. 68]; Россия и Германия во многом похожи, испытывая давление самодовольных империй [9. С. 70–71]; Достоевский видит в Германии идеологического борца с католическими странами [9. С. 74]. Также выделим статью Н.Н. Подосокорского, в которой рассматривается образ Бисмарка в творчестве Достоевского, приходя к выводу, что идея канцлера – это «трансформированная разновидность более общей и сложной наполеоновской идеи, имеющей в основе тот же завоевательный принцип. Достоевский сознавал всю пагубность такого подхода к решению проблем в России» [10. С. 90]. Вместе с тем мы можем констатировать, что взаимоотношения между Россией, Германией и Австрией в творчестве Достоевского в качестве самостоятельного исследования отсутствуют.

Впервые Ф.М. Достоевский обращается к проблемам взаимоотношения между странами применительно к событиям победоносных наполеоновских войн, где Петербург, Вена и Берлин выступали в качестве союзников. Заметим, что вопрос раздела Речи Посполитой в его творчестве рассматривался исключительно в рамках отношений России и Польши [11. С. 174]. Достоевский в статье «Нечто о политических вопросах» (1876 г.) показал весь свой скепсис по отношению к Австрии и Пруссии в качестве надежных союзников: «Нас точно также уже раз судьба спасла, в начале столетия, когда мы свергли с Европы иго Наполеона I, – спасла именно тем, что дала нам в союзники Пруссию и Австрию. Если б мы тогда победили одни, то Европа, чуть только бы отправилась после Наполеона I, тотчас, и без Наполеона, бросилась бы опять на нас. Но слава богу, случилось иначе: Пруссия и Австрия, которых мы же освободили, немедленно приписали себе всю честь побед, а впоследствии, теперь то есть, уже прямо утверждают, что тогда победили они одни, а Россия только мешала» [1. Т. 1. С. 346]. Это показательное суждение Достоевского подчеркивает, что даже в период наибольшего сближения между странами, цивили-

лизационные противоречия не позволяли надеяться на справедливую политику, основанную на паритетных началах, так как для европейских стран Россия – слишком чужая, далекая и непонятная.

Олицетворением отношений первой половины XIX в. для Достоевского стала центральная фигура австрийской и европейской политики – канцлер Клеменс фон Меттерних, один из главных организаторов Венского конгресса. Меттерних, безусловно, выступает для писателя отрицательной личностью, проводившей политику, шедшую в разрез с убеждениями Достоевского. В полной мере это раскрывается в заочном споре в статье «Идеалисты-циники» (1876 г.): «...можно лишь оправдать политику Меттерниха из высших и государственных целей. Да и практическую ли только выгоду, текущие ли только барыши составляют настоящую выгоду нации, а потому и “высшую” ее политику, в противоположность всей этой “шиллеровщине” чувств, идеалов и проч.? <...> ...не лучшая ли политика для великой нации именно эта политика чести, великодушия и справедливости, даже, по-видимому, и в ущерб ее интересам (а на деле никогда не в ущерб)?» [1. Т. 1. С. 436].

Для Достоевского идеальная политика великой державы – это политика чести и бескорыстия, одновременно выступающая и как самая выгодная. Меттерних же выступает олицетворением политики текущей практичности. Развитие эти идеи получили в статье «Меттернихи и Дон-Кихоты»: «Россия никогда не умела производить настоящих, своих собственных Меттернихов и Бисконфильдов; напротив, все время своей европейской жизни она жила не для себя, а для чужих, именно для “общечеловеческих интересов»» [1. Т. 2. С. 58]. Таким образом, канцлер представляется фигурой нарицательной, чуждой России, хотя в некоторых случаях Достоевский все же признавал величие австрийца в качестве одного из самых глубоких и тонких мировых дипломатов, но лишённого «идеи», заменённой на полицейский порядок. Бесспорно, что Бисмарк – персона более гениальная [1. Т. 2. С. 172].

Можно констатировать, что, с точки зрения Ф.М. Достоевского, первая половина XIX в. – это период во взаимоотношениях между Россией, Германией и Австрией, в которых центральное место занимает Вена с ее влиятельнейшим интриганом-канцлером Меттернихом. Ситуация стала меняться уже в середине столетия. Разразившаяся революция в Австрийской империи в 1848–1849 гг., больно ударившая по амбициям Габсбургов и лично канцлеру, отправленному в отставку, изменила баланс сил. При этом Достоевский не исключал изменение позиции Австрии при диалоге с Россией в знак благодарности за усмирение венгров, несмотря на все ее «коварство» [1. Т. 1. С. 435].

В то же время поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. открыло путь для Пруссии в деле возвышения в рамках рассматриваемой тройки. Дальнейшее усложнение восточного вопроса этому лишь благоприятствовало, так как и Петербург, и Вена оказались в заложниках необходимости иметь Берлин в друзьях или хотя бы рассчитывать на его нейтралитет.

В начале 1860-х гг. происходят два важнейших события, определивших развитие взаимоотношений между тремя странами, не оставшиеся в стороне от внимания Достоевского. Во-первых, в 1862 г. министром-председателем правительства Пруссии становится Отто фон Бисмарк, а, во-вторых, Берлин начинает активную военную фазу «сбора» немецких земель в ходе датско-прусской и австро-прусской войн середины 1860-х гг. Достоевский в своей «Записной тетради» за 1864–1865 гг. отмечает следующее: «Уж если Австрия поступает под покровительство Пруссии, то даром это не кончится. Со временем, пожалуй, она вся войдет в состав прусской территории, как и Шлезвиг-Гольштейн» [12. С. 244]. Достоевский видел в этом событии превращение Австрийской империи в «младшего брата» Пруссии. Будущность австрийской государственности с этого момента начинает регулярно ставиться писателем под сомнение, в частности он пишет: «Силой она [Пруссия] соберет Германию. В то же время, когда Австрия будет разрываться, Западная Германия частью примкнет к Пруссии, частью – к Франции» [12. С. 284].

В канун Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Достоевский начинает задаваться проблемой во взаимоотношениях между Россией, Германией и Австрией в связи с разразившимся балканским кризисом. В статье «Мечты о Европе» (1876 г.) он обозначил, что «в согласии великих восточных держав бесспорно видят великие залогов мира, а иные из газет наших так даже и в герцеговинской теперешней смуте. <...> ...уж не потому ли, кстати, что ключ и к герцеговинскому вопросу очутился тоже в Берлине и тоже в шкатулке у князя Бисмарка?» [1. Т. 1. С. 299]. Вместе с тем писатель выводит свой «естественный и политический» закон, что ближайшие и сильные соседи как бы ни были дружны, всегда приходят к жгучему желанию «истребить один другого» [1. Т. 1. С. 302]. По всей видимости, Достоевский исходил в этом суждении из многовекового противостояния России и Польши, наблюдения за развитием отношений между Францией и Германией. Однако он не распространял свои суждения, с нашей точки зрения, на соседство Германии и России. Так, в «Записной тетради» за 1875–1876 гг. он предположил: «Будущее России ясно: мы будем идти, может быть, без войны с Германиею – будем идти до тех пор, пока бросится к нам уstraшенная Европа и станет молить нас спасти ее от комунаров» [12. С. 410].

Достоевский, как и многие представители общестственности, возлагали большие надежды на Константинопольскую конференцию великих держав (Россия, Германия, Австро-Венгрия, Великобритания, Франция, Италия). Писатель был категоричен по отношению к ее результатам: «России нужно надеяться на свой меч, а не на дружбу Европы и на занятия настоять силой, объявив и продолжая объявлять, что ей ничего не надо, кроме гарантий реформ для славян, никаких завоеваний для себя» [12. С. 605–606]. Более того, Достоевский крайне эмоционально реагировал на сообщения прессы, что Австрия будет говорить с Россией с позиции силы, так как последняя ее боится, парировав это следующим образом: «Россия не боит-

ся и всего их союзу, т.е. Франции, Англии, Австрии и Турции вместе. Теперь она с ними разделается одна, только бы мы остались в дружбе с Германией» [12. С. 584]. Как известно, Константинопольская конференция не склонила Турцию пойти на требуемые реформы и уступки, что вылилось в начало Русско-турецкой войны.

В канун и годы войны Ф.М. Достоевский регулярно обвинял Австро-Венгрию в нечестности и подлоге, чего, как правило, не делал по отношению к Германской империи. В связи с проблемой южных славян, борющихся с турецким игом, писатель указывал на «двуличность» Австрии, которая, с одной стороны, заявляла о поддержке борцов за свободу, жертвовала якобы «множество миллионов гульденов на содержание семей повстанцев» [1. Т. 1. С. 444], предполагая, что даже если и была от Вены материальная помощь, то ее корыстной целью было приобретение Боснии; с другой стороны, Достоевский указывал на известия, что «туркам, хотя и анонимно, весьма деятельно помогают австрийцы и англичане. Впрочем, почти и не анонимно. Помогают деньгами, оружием, снарядами и людьми» [1. Т. 1. С. 418]. Заметим, что намерения Австрии «пожиться» на балканском кризисе писатель регулярно констатировал в своих публикациях, ставя в противовес «бескорыстным» намерениям России.

К 1876 г. Достоевский окончательно убедился для себя, что дружба между Россией и Австрией более невозможна. Дело не только в цивилизационном разломе между католическим и православным миром, а в вопросе защиты южных славян от австрийских посягательств: «Представить только себе, что славяне попадут под власть Австрии, и она, первым делом, начнет их немечивать, и даже потеряв уже свои немецкие владения» [1. Т. 1. С. 345]. Здесь мы также можем подчеркнуть, что Достоевский не исключал отъема Германией немецких земель Австро-Венгрии. При этом для писателя со временем становится очевидным, что Берлин в случае конфликта России и Австрии скорее займет позицию последней. Это особенно ярко выразилось в известном ответе Ф.М. Достоевского на слова барона Родича, рассуждавшего в русофобском духе о балансе сил на востоке Европы [1. Т. 1. С. 344].

В то же время Федор Михайлович возлагал большие надежды на доброжелательные отношения с Берлином, хотя и не без доли опаски. Так, Достоевский в статье «О воинственности немцев» излагал личные наблюдения, зафиксированные во время поездок в Германию после Франко-прусской войны. Из его слов мы понимаем, что немецкий обыватель весьма охотно рассуждал о возможностях войны с Россией на фоне военных успехов на западном направлении, в конечном счете выражаясь в суждении: «Вот покончим мы с французами, а теперь примемся и за вас» [1. Т. 1. С. 429]. Однако Достоевский понимал, что подобные настроения в те годы мелькали преимущественно в народе, а не на государственном уровне, где отношения между Российской и Германской империями оставались весьма стабильными.

В некоторых случаях Достоевский идет дальше, пытаясь представить будущность отношений Берлина

и Петербурга, оспаривая тезис, что Россия нуждается в Германии, считая это преувеличением. Рассуждения приводят писателя к умозаключению, что своеобразное геополитическое положение «срединной империи» заставляет Германию нуждаться в России: «...как бы она ни была сильна – с одной стороны Франция, с другой Россия» [1. Т. 2. С. 187]. Отметим, что Достоевский уже тогда понимал невозможность борьбы одновременно на два фронта, несмотря на немецкую мощь. В «Записной тетради» за 1880–1881 гг. он признавал, что судьба Франции уже predetermined, а единственный, кто может ее спасти от Германии – это, конечно, Россия [12. С. 691]. Именно поэтому «Германия во всяком случае рассчитывает на нас не как на временных союзников, а как на вечных» [1. Т. 2. С. 377]. Как известно из истории, пройдет всего лишь 10 лет после смерти Достоевского, когда официально закрепится союз России и Франции в виде «сердечного соглашения».

Более прозаично писатель видел будущность отношений между Россией и Австрией. После окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Достоевский считал восточный вопрос уже фактически решенным, осталось лишь дожидаться, когда Австрия «сама собой затрещит» [12. С. 688]. Вместе с тем он признавал, для чего России нужна на самом деле Германия: во время очередной франко-прусской войны, пока Берлин будет занят на Западе, позволит беспрепятственно разделаться нам с Веней, так как «пока она с Германией вкупе, ничего не сделаем, несмотря на все их наглости» [12. С. 693]. Сама же Австрия, по мнению Достоевского, сама ничего сделать неспособна из-за внутренних неурядиц и раздоров, а также в силу «клерикального усложнения дела», что связывает ей руки [1. Т. 2. С. 200]. Ни о каких добрососедских отношениях, разумеется, писатель речи не вел, так как Австрия уже совсем плоха, выступая вторым «больным человеком» после Турции: «Это образец всевозможных дуализмов, всевозможных внутри себя враждебных соединений, народностей, идей, всевозможных несогласий и противоречивых направлений; тут и венгры, тут и славяне, тут и немцы, тут и царство жидов» [1. Т. 2. С. 178].

Туманными виделись Достоевскому и перспективы развития отношений между Германией и Австрией. Свою позицию писатель изложил в статьях «То да не то. Ссылка на то, о чем я писал еще три месяца назад», «О том, что думает теперь Австрия» (1877 г.). Как мы уже отмечали выше, Федор Михайлович считал, что начало новой войны между Германией и Францией – это вопрос лишь времени. Это положение, безусловно, играло на пользу Австро-Венгрии, укрепляя ее международное положение. Как Германия, так и Франция нуждались в расположении Вены, которая умело этим пользовалась. Лавирование между Берлином и Парижем позволило Австрии повернуть в свою пользу успехи русского оружия в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. При этом, по мнению Достоевского, Австрия могла рассчитывать на гораздо большее, если она даст возможность Франции взять у Германии реванш: «...всего только за какой-нибудь нейтралитет, за то только, что посидит какие-нибудь полгода смирно на месте, в ожидании награды за свое доброе поведение» [1. Т. 2. С. 288]. При

этом даже в случае поражения Франции, дипломатическое спасение Парижа сулит Вене большие преференции. Позиция писателя понятна, учитывая его главную концепцию противостояния «трех идей», в данном случае – между католическим и протестантским миром. По мнению писателя, Австрия к тому же не теряет надежду создать вторую объединенную Германскую империю за счет аннексии у первой южных католических немецких территорий, что позволит Вене усилиться не только на международной арене, но и на внутренней: «Австрия могла бы посягнуть и на свой “дуализм”, поставить Венгрию в прежние, древние и почтительные к себе отношения, а затем, разумеется, распорядиться уж и с своими славянами» [1. Т. 2. С. 290].

Таким образом, отношения между Россией, Германией и Австрией, с точки зрения Ф.М. Достоевского, весьма сложные и противоречивые. Писатель, исходя из собственной концепции «трех идей», показывает невозможность долгосрочного мирного сосуществования католического, протестантского и славянского миров. Австрийская, Германская и Российская империи на протяжении всего XIX в. Первая половина столетия у Достоевского рассматривается как время канцлера

Клеменса фон Меттерниха (вся Австрийская империя заключена именно в этом образе) – эпоха интриг, коварств и ситуационной политики, на смену которой в 1860-е гг. пришла протестная, антиримская, решительная и прагматичная политика «железа и крови» Отто фон Бисмарка, олицетворявшего собой всю Германскую империю. Россия, с точки зрения писателя, находится выше, чем политика практичности, и является оплотом единства, чести и свободы, стоящий в стороне от европейских интриг. Достоевский утверждал, что существовавшее искусственное политическое устройство Европы рухнет перед национальными народными построениями и обособления. Россия в такой модели должна создать Всеславянскую империю, спася и присоединив южных славян, что поставит ее в конфронтацию с Австрией. Германия, разделавшись с католической Францией, непременно возьмется за Австрию, объединяя все немецкие земли воедино. Австрия же надеется создать еще одну немецкую империю, для чего ей нужно забрать у Берлина южные католические земли. В таких условиях Достоевский предполагал скорый крах «клерикальной» и «лоскутной» Австро-Венгрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф.М. Дневник писателя : в 2 т. / Ф.М. Достоевский. М. : Книжный Клуб 36.6, 2011.
2. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Славянский мир как политический конструкт // Русин. 2015. № 4 (42). С. 37–52. DOI: 10.17223/18572685/42/4
3. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Картирование» славянского мира как воображаемый конструкт // Русин. 2016. № 4 (46). С. 56–72. DOI: 10.17223/18572685/46/5
4. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54). С. 292–302. DOI: 10.17223/18572685/54/17
5. Чаппл Р. Материалы для «Словаря языка Достоевского» (реалии культуры, истории и быта Германии) // Достоевский. Материалы и исследования. 1992. Т. 10. С. 242–254.
6. Сафронова Е.Ю. Образ Германии в сибирских произведениях Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 113–141. DOI: 10.17223/24099554/12/6
7. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. Л. : Наука, 1988–1996. Т. 8.
8. Гильманов В.Х.Т., Копцев И.Д., Мальцев Л.А. Манн и Ф.М. Достоевский: к проблеме эссенциального диалога между Германией и Россией // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 3. С. 817–832. DOI: 10.15826/qr.2018.3.330
9. Alekseev P.V., Billiet E. The image of Germany in a Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 67–79. DOI: 10.17223/24099554/9/5
10. Подосокорский Н.Н. Идея и образ Бисмарка в творчестве Ф.М. Достоевского // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 85–93.
11. Подрезов М.В. Идейные воззрения Ф.М. Достоевского на место Польши в России и мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 170–176. DOI: 10.17223/1998863X/49/17
12. Литературное наследство. Т. 83. Незданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. / под ред. И.С. Зильберштейна, Л.М. Розенблом. М. : Наука, 1971. 727 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 7 мая 2020 г.

Relations Between Russia, Germany, and Austria in Fyodor Dostoevsky's Geopolitical Views

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 78–83.

DOI: 10.17223/15617793/455/11

Mikhail V. Podrezov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mvpodrezov@gmail.com

Keywords: Dostoevsky; Russia; Germany; Austria; geopolitics.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-90020\19.

The works of the great Russian writer, publicist and philosopher Fyodor Dostoevsky are of considerable interest to both Russian and foreign researchers from a wide range of specialties. Despite this, a number of issues are still very poorly researched, in particular the writer's ideological views on international relations. In the framework of this article, attention is focused on the relations between the Russian, German (Prussia), and Austrian (Austria-Hungary) empires. Peter Berger and Thomas Luckmann's concept of social construction of reality, expressed in the symbolic construction of an imaginary geopolitical map of the world by Dostoevsky, was used as the methodological basis of this work. To construct the image and the nature of the relations between the Russian, German, and Austrian empires, Dostoevsky's journalism, notebooks and works of fiction were analyzed using relevant contemporary research literature. The fundamental basis of Dostoevsky's ideas about international relations in Europe is his work "Three Ideas" on the existence and struggle of three key worlds—Catholic, Protestant, and Slavic—associated respectively with France, Germany, and Russia. According to the author of the article, Dostoevsky's Austria is not just equally suitable for the role of the "Catholic element" instead of France, it is even its more vivid embodiment. The study showed that relations between Russia, Germany and Austria, ac-

ording to the views of the writer, had gone through a difficult development path. The first half of the 19th century (from the victory over Napoleon to the Austrian revolution of 1848–1849) passed under the auspices and domination of the alliance of Austrian Chancellor Metternich, whose image is associated with treachery, intrigue, and the desire for immediate benefits. However, the internal turmoil in Austria and the defeat of Russia in the Crimean War allowed Chancellor Otto von Bismarck, who came to power in the 1860s, to take center stage in the alliance. Prussia, with its protest, anti-Roman, decisive and pragmatic policies, using the principle of “iron and blood”, not only brought the German Empire together by force, but also made Vienna its “little brother”. In this alliance, Russia pursued the policy of a “great nation”, being higher than the everyday politics of intrigue or practicality, acting as a stronghold of unity, honor and freedom. According to Dostoevsky, the artificial construction of the borders of European states could no longer meet aspirations of peoples and nations. The writer foresaw a global redistribution. He saw the future of Russia in liberation and construction of the All-Slavic Empire, which would lead to a confrontation with Austria. Germany would defeat France and take up the German-speaking territories that were part of Austria-Hungary; the latter in turn would try to take up the southern Catholic lands from Berlin with the aim of creating a second German empire.

REFERENCES

1. Dostoevskiy, F.M. (2011) *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [A Writer’s Diary: In 2 Volumes]. Moscow: Knizhnyy Klub 36.6.
2. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2015) The Slavic World as a Political Construct. *Rusin.* 4 (42). (In Russian). pp. 37–52. DOI: 10.17223/18572685/42/4
3. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2016) “Charting” Slavdom as an Imaginary Construct. *Rusin.* 4 (46). pp. 56–72. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/5
4. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2018) Mapping the Slavic World in the Diary of a Writer by F.M.Dostoevsky. *Rusin.* 4 (54). pp. 292–302. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/17
5. Chapple, R. (1992) Materialy dlya “Slovyarya yazyka Dostoevskogo” (realii kul’tury, istorii i byta Germanii) [Materials for the “Dictionary of the Language of Dostoevsky” (Realities of Culture, History and Life of Germany)]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 10. Leningrad: Nauka. pp. 242–254.
6. Safronova, E.Yu. (2019) The Germany’s Image in F.M. Dostoevsky’s Siberian Works. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies.* 12. pp. 113–141. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/12/6
7. Dostoevskiy, F.M. (1988–1996) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works: In 15 Vols]. Vol. 8. Leningrad: Nauka.
8. Gil’manov, V., Koptsev, I. & Mal’tsev, L. (2018) Thomas Mann and F. M. Dostoyevsky: On the Essential Dialogue Between Germany and Russia. *Quaestio Rossica.* 6 (3). (In Russian). pp. 817–832. DOI: 10.15826/qr.2018.3.330
9. Alekseev, P.V. & Billiet, E. (2018) The Image of Germany in A Writer’s Diary by Fyodor Dostoevsky. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies.* 9. pp. 67–79. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/9/5
10. Podosokorskiy, N.N. (2011) Ideya i obraz Bismarka v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [The Idea and Image of Bismarck in F.M. Dostoevsky’s Works]. *Literaturovedcheskiy zhurnal.* 28. pp. 85–93.
11. Podrezov, M.V. (2019) Fyodor Dostoevsky’s Ideological Views on the Place of Poland in Russia and in the World. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University. Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 49. pp. 170–176. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/17
12. Zil’bershteyn, I.S. & Rozenblyum, L.M. (eds) (1971) *Neizdannyy Dostoevskiy. Zapisnye knizhki i tetradi. 1860–1881 gg.* [The Unpublished Dostoevsky. Notebooks. 1860–1881]. Moscow: Nauka.

Received: 07 May 2020